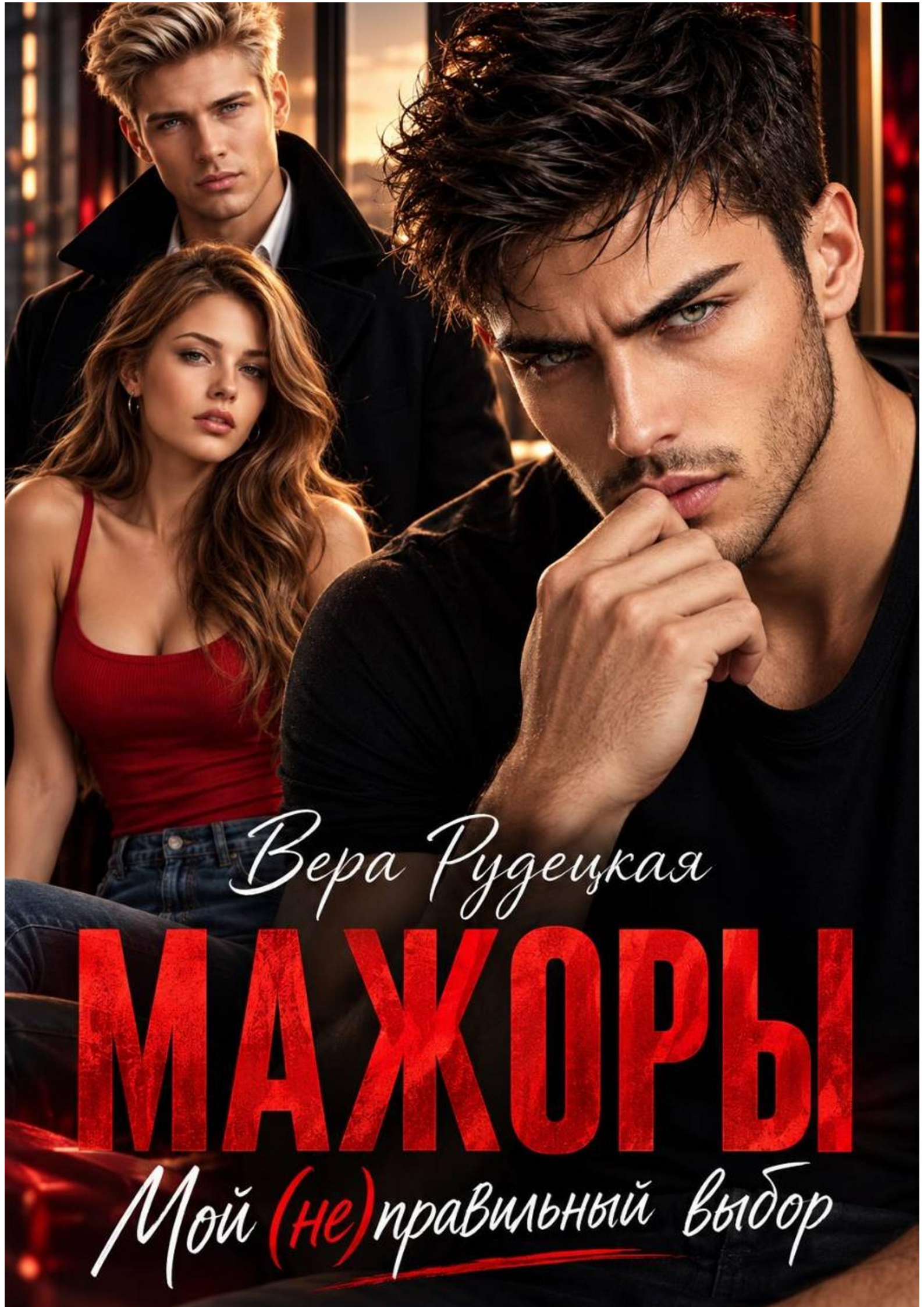

Вера Рудницкая

МАЖОРЫ

Мой (не)правильный выбор

Вера Рудецкая

**Мажоры. Мой
неправильный выбор**

«Автор»

2026

Рудецкая В.

Мажоры. Мой неправильный выбор / В. Рудецкая — «Автор»,
2026

Правило первое: не влюбляйся в лучшего друга своего парня. Правило второе: не влюбляйся в того, от кого все советуют держаться подальше. Я была идеальной девушкой капитана команды, а моё будущее расписано на годы вперёд. Но потом мой парень уехал на сборы, оставив меня на попечение другу. Тому, кто нравился мне с детства. Тому, с кем мне запрещено быть вместе. И я чувствую: ещё немного — и я нарушу оба правила.

© Рудецкая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вера Рудецкая

Мажоры. Мой неправильный выбор

Глава 1

Ну почему из всех людей в этом городе именно этот ненормальный оказался на моём пути этим вечером?

Замечаю их ещё от фонтана — Руслан сидит на спинке скамейки, Вика Смирнова — у него между коленей, запрокинув голову. Они целуются. Нет — она его ест. А он позволяет.

Смотрю на них как завороженная, руль уходит вбок — переднее колесо ловит бордюр, и меня бросает вперёд. Успеваю выставить ногу, велосипед дёргается и встаёт. Я — тоже. Одной ногой на асфальте. Вот дура.

Руслан отстраняется первый. Будто ему просто надоело. Замечает меня.

Фонарь бьёт ему в спину, лицо в тени, но я всё равно вижу — он ухмыляется. Эту ухмылку он отработал до автоматизма. Ленивая, наглая, с приподнятым уголком рта. Половина девчонок в школе от неё теряет дар речи.

— О. Новикова. — Голос хриплый, несколько не смущённый. — Подглядываешь?

Вика оборачивается. Лицо — из мягкого в кислое за полсекунды. Вытирает губы тыльной стороной ладони и смотрит на меня так, будто я влезла к ней в спальню.

— Заблудилась? — спрашивает Руслан. — Репетитор по английскому в другой стороне.

— Просто проезжала мимо.

Вика встаёт, одёргивает юбку. Даже не смотрит на меня — смотрит сквозь.

— Я домой. Напиши мне.

Наклоняется, целует Руслана в щёку — медленно, напоказ. Он не отвечает. Даже не кивает. Вика разворачивается, каблуки стучат по дорожке, и через несколько секунд её силуэт растворяется за поворотом.

Фонтан. Далёкая музыка из чьего-то окна. Тишина, которая сразу становится слишком навязчивой.

Руслан спрыгивает со спинки скамейки — я непроизвольно отступаю. Расстояние между нами схлопывается в один шаг. Сигаретный дым и мятная жвачка — его вечная комбинация.

— Подкинешь до дома?

— Что?

— На велике. — Кивает на мой велосипед. — До Ленина полчаса пешком. А я, как видишь, безлошадный.

— Пешком дойдёшь.

— Могу. Но у тебя транспорт. — Пауза. — И Макс бы не одобрил, если бросишь его лучшего друга ночью в парке.

Что-то мелькает в его взгляде — быстрое, расчётливое. Он знает, что козырь сработает. Макс на сборах, и если он каким-то чудом узнает, что я оставила Руслана торчать одного...

— Ладно.

Руслан садится на багажник. Велосипед проседает под его весом, руль дёргается — я едва удерживаю равновесие.

— Держись за раму, — говорю, не оборачиваясь.

— За какую раму, Новикова? Тут нет рамы.

Он прав. Сзади держаться не за что, кроме меня. Его руки ложатся мне на талию. Ровно столько, сколько нужно, чтобы не упасть.

Трогаюсь. На первой кочке пальцы сжимаются крепче, и он придвигается ближе. Тёплый выдох в спину.

— Помедленнее. Убьёшь нас обоих.

— Не разговаривай — я и так еле рулю.

Тихий смешок.

Город совсем другой в это время — без людей, без машин, только фонари и скрип педалей. Крутить тяжелее с его весом, и каждый подъём отзывается в коленях.

— Новикова, тебя черепахи обгоняют.

— Слезай и крути сам.

— Не, мне удобно. Персональный водитель, ночной город. Чего ещё желать.

Фонари мелькают — свет, тень, свет, тень.

— Новикова, ты даже спину держишь так, будто на экзамене, — продолжает Руслан. — Расслабься. Никто не ставит оценки за езду на велике.

— У меня на багажнике настоящий слон.

— Да ты всегда такая. Собранная, правильная. Ты хоть что-нибудь делаешь просто потому, что сама хочешь?

Кручу педали. Молчу. Надеюсь, он примет это за ответ.

Не принимает.

— Ну? Делаешь?

— Отстань, Туманов. Откуда тебе знать, какая я.

— Оттуда. Я помню другую Новикову. Которая в пятом классе перелезла через забор на стройку, забралась на кран и махала мне сверху. А я стоял внизу как дурак и не знал — орать или аплодировать.

Молчу. Кручу педали.

— А потом стащила банку с заспиртованной лягушкой из кабинета биологии и подсунула Федорову в рюкзак. Он орал как резаный, а ты сидела с каменным лицом и конспектировала параграф.

— Хватит.

Замолкает. Но поздно — что-то внутри уже сдвинулось. Дверь, которую я заклеивала скотчем три года, приоткрылась.

— Той девчонке было тринадцать, Рус. Мы выросли.

— Ты не выросла. Ты себя закопала.

Торможу на рефлекс, раньше, чем успеваю подумать. Руслана бросает вперёд, пальцы впиваются мне в бока, его ноги — по асфальту, ловя равновесие за нас обоих. Велосипед вздрагивает и замирает. Руслан вжимается мне в спину.

Пальцы не разжимаются.

— Отпусти, — говорю я.

*** 2

Слезаю с велосипеда. Он тоже. Стоит в круге фонарного света — футболка с масляным пятном на рукаве, волосы падают на лоб. Скулы, которые кто-то чертил с единственной целью — портить жизнь окружающим. Замечаю, что смотрю слишком долго, и отворачиваюсь.

— Я твой свидетель, Новикова.

— Хватит уже. Люди меняются, — говорю я.

Какое-то время мы просто шагаем рядом — я веду велосипед за руль, он идёт, руки в карманах. Улица Гагарина, потом поворот на Мира. Наши шаги не совпадают — его шире, и мне приходится ускоряться.

— Ты когда последний раз делала что-то бессмысленное? — спрашивает Руслан.

— Везу тебя через полгорода. Это считается?

Усмехается. Настоящая, не показная улыбка мелькает и тут же пропадает.

— Не считается. Ты это делаешь для Макса. Я про другое. Бессмысленное. Ненужное. Просто потому что захотелось.

— Я ем мороженое по ночам. Устраивает?

— Нет. Мороженое — это утешение, а не свобода.

Я молчу. Не потому что нечего сказать — потому что он попал. Я действительно не помню, когда последний раз делала что-то просто так. Без причины, без пользы, без «потом пригодится». И то, что это заметил именно он, — бесит отдельно.

Хочу ответить, но не успеваю.

Двое выходят из-за угла. Не выходят — выплывают, пошатываясь и подпирая друг друга. Один повыше, в расстёгнутой рубашке, второй коренастый, с бутылкой в руке. Оба старше нас — лет по двадцать, может, больше. Алкоголь считается за десять шагов.

— О, какие люди. — Высокий загораживает тротуар, расставив руки. — Парочка на выгуле.

Коренастый хмыкает. Смотрит на велосипед.

— Классная тачка. Дай покататься.

Руслан останавливается. Руки всё ещё в карманах.

— Парни, — говорит он. — Идите домой. Серьёзно.

Голос спокойный. Даже мягкий. Я оглядываюсь на него и, мне кажется, он что-то просчитывает — расстояние, углы, варианты. Лицо совершенно каменное. Ни ухмылки, ни показухи. Человек, который пять минут назад дразнил меня, просто исчез.

Высокий делает шаг вперёд. Кладёт руку на руль моего велосипеда.

— А вежливо попросить?

Руслан вынимает руки из карманов.

Дальше — быстро. Так быстро, что я запоминаю только фрагменты.

Руслан перехватывает руку высокого на руле и дёргает на себя — тот теряет равновесие и влетает в Руслана плечом. Я отступаю — велосипед дёргается в руках, педаль бьёт по голени. Руслан делает шаг назад, разворачивает его и толкает в сторону. Парень спотыкается и садится на бордюр.

Коренастый перехватывает бутылку за горлышко.

И смотрит на меня.

Шаг вперёд. Рука с бутылкой уходит назад — я вижу пальцы на стекле, напряжённое предплечье, замах.

Мои пальцы на резине руля. Хватка такая, что белеют костяшки. Ноги как приклеенные. Голова понимает, что надо бежать. Ноги стоят.

*** 3

Руслан оказывается между нами раньше, чем я успеваю вдохнуть. Перехватывает запястье коренастого на полпути вниз, выкручивает. Бутылка выпадает и разбивается у моих ног.

Руслан бьёт его — коротко, точно, в переносицу.

Коренастый оседает на колени.

Становится тихо.

Только стекло хрустит под подошвой, когда Руслан разворачивается ко мне.

— Цела?

Голос будничный. Как будто ничего не случилось. А у самого костяшки сбиты, и на правой руке кровь.

Киваю.

Язык не слушается.

Высокий поднимается с бордюра, оценивает обстановку. Коренастый трогает переносицу, сплёвывает. Оба смотрят на Руслана.

— Валите, — говорит Руслан.

Они валят.

Я стою, вцепившись в руль, и слышу собственное сердце.

Оно колотится в горле, в висках и кто его знает, где ещё.

— Поехали отсюда, выдыхает Руслан.

Сажусь на велосипед.

Ноги ватные, руки тоже, но кручу педали — и они крутятся.

Руслан запрыгивает на багажник, пальцы снова ложатся мне на талию — только теперь крепче, и я не возражаю. Просто в голове пусто — ни мыслей, ни слов, только гул и остатки адреналина.

Проезжаем полквартала.

Что-то щёлкает внизу — резкий металлический звук.

Педали проворачиваются вхолостую.

— Стой-стой-стой, — говорит он.

Торможу.

Руслан соскакивает, приседает, заглядывает под раму.

— Цепь слетела. — Трогает пальцами. — Нет, хуже. Звено разогнулось. Без инструмента не починишь.

Смотрю на велосипед.

Потом на тёмную улицу.

Потом на Руслана, который сидит на корточках и рассматривает цепь с таким лицом, с каким решают контрольную.

— Это мой велосипед.

Молча забирает.

Идём дальше, и всё как-то не по-настоящему. Час назад я возвращалась от репетитора и собиралась лечь спать пораньше. Это не стыкуется ни с битым стеклом, ни с кровью на его костяшках.

— Новикова. Ты дрожишь.

Смотрю на свои руки. Он прав. Пальцы подрагивают — тело выдаёт всё, что я зажимала.

— У отца мастерская, — говорит он. — Завтра посмотрю. Звено заменю, может, цепь целиком — разберусь, какая там.

— Не надо. Я сама всё сделаю.

— Зачем? Я сделаю за час. Подойдёшь завтра к одиннадцати на Промышленную. Там вывеска «Туманов». Не перепутаешь.

Мне бы отказаться. Сказать — спасибо, не нужно, справлюсь. Но силы закончились.

— Ладно.

Поворот на мою улицу. Фонарь на углу перегорел, следующий — через пятьдесят метров. Темнота. Пахнет нагретым асфальтом и розами, которые посадила соседка.

— Мне сюда, — говорю я.

Руслан останавливается, прислоняет велосипед к столбу. Поворачивается.

Фонарный свет ловит половину его лица. Сдёранные костяшки на правой руке. Прядь, упавшая на глаза.

— Новикова.

— Что?

Пауза. Он смотрит на меня, и я не могу прочитывать выражение — что-то слишком сложное для одного слова.

— Ничего. Иди домой.

Разворачивается. Берёт велосипед за руль. Уходит.

Стою и смотрю, как он исчезает в темноте. Силуэт становится меньше с каждым шагом.

Захожу в подъезд. Лифт. Четвёртый этаж. Ключ в замке.

На кухне горит свет. Мама за столом, бабушка рядом в халате. Ждали.

— Ты где ходишь? Мы звонили.

— Гуляла. Телефон на беззвучке.

Мама оглядывает меня — лицо, руки, одежду.

— Всё нормально, мам.

— Чай будешь?

— Нет. Я спать.

Бабушка молчит, но я чувствую её взгляд в спину, пока иду по коридору.

Закрываю дверь.

Через полчаса я уже в постели.

Потолок. Тишина.

Перед глазами — не драка, не тёмная улица. Его руки на моей талии. И его «ничего», в котором было что угодно, кроме ничего.

Беру телефон. Ноль сообщений от Макса. Убираю телефон.

Переворачиваюсь на бок. Закрываю глаза. Знаю, что не засну.

Промышленная, четыре. Вывеска «Туманов». Металлические ворота, открытые наполовину.

Без двенадцати одиннадцать. Я пришла раньше и злюсь на себя за это.

Заглядываю внутрь. Запах масла, металла, чего-то горелого. Тиски, инструменты на стене, верстак у окна. Мой велосипед — уже на стойке, перевёрнутый колёсами вверх.

Руслан стоит спиной. Майка переброшена через спинку стула. На голом торсе — тени от мышц, которые двигаются под кожей, пока он работает. Татуировка на лопатке — что-то угловатое, не могу разобрать.

Он ещё не знает, что я здесь.

У меня есть три секунды, чтобы перестать смотреть и исчезнуть.

Я не успеваю.

Глава 2

Масло. Металл. Горелая резина.

Запах сшибает раньше, чем успеваю сделать шаг. Забивает лёгкие, поры и тянет назад — в то лето, когда нам было по десять и всё ещё просто.

«Белов, Туманов, Новиков» — три фамилии на вывеске автосалона, который тогда казался целым миром. Три отца, три семьи. Пятничные шашлыки на парковке, и мы — трое детей, которые росли между капотами и шинами автомастерской при салоне.

Макс собирал серии карточек любимых футболистов и переживал из-за каждой оценки. Руслан срывался на велосипеде с самых крутых склонов и тащил меня за собой.

Я шла. Всегда шла.

А потом — первая трещина.

В шестнадцать Руслан сжёг чью-то машину. Так мне сказали. Суд, условный срок. Дядя Костя — отец Макса — компенсировал ущерб владельцу. Спас, по сути. После приговора я пыталась подойти. Руслан посмотрел сквозь меня и сказал:

«Иди к своим, Новикова».

Одна фраза — и стена. Выше любого забора.

С Максом он остался. Со мной — нет.

Я так и не поняла, почему.

Дядя Витя — отец Руслана, ушёл из автосалона, открыл мастерскую на Промышленной. Велосипеды, самокаты, мопеды. Руслан стал ему помогать.

Трещина вторая — папа.

Полтора года назад.

Следователь назвал обстоятельства загадочными, а потом перестал звонить.

Мама постарела за месяц. Бабушка Нина переехала к нам.

Макс оказался рядом. Предсказуемый до секунды. С ним тепло — как с батареей в ноябре. Сын папиного друга и партнёра.

«Он хороший мальчик, Аня. Будь с ним», — сказала мама. Бабушка кивнула.

Я сопротивлялась. Недолго. Встречаться с Максом — всё равно что надеть спасательный жилет. Безопасно. Правильно. Чуть тесновато в груди. Зато будущее понятно.

А сейчас я стою на пороге мастерской, где пахнет маслом. И смотрю на спину парня, который два года назад вычеркнул меня из жизни одной фразой.

Майка переброшена через спинку стула. На голом торсе — тени от мышц, которые двигаются под кожей, пока он работает. Татуировка на лопатке — что-то угловатое, не могу разобрать.

Он ещё не знает, что я здесь.

У меня есть три секунды, чтобы перестать смотреть и исчезнуть.

Я не успеваю.

Руслан оборачивается.

Секунду мы смотрим друг на друга. Я — на него. Он — на то, как я на него смотрю. Оба это понимаем. Ухмылка.

— Доброе утро, Новикова. Нравится вид?

Жар поднимается от шеи к скулам — мгновенно. Руслан берёт футболку со стула и натягивает через голову.

— Я за велосипедом.

— Заметил. Проходи. — Кивает на площадку, где среди чужих великов — мой. — Цепь заменил. Звено было убитое. Ещё тормозные колодки стёрты. Ты их когда последний раз меняла? Можешь не отвечать.

Подхожу. Он наклоняется к заднему колесу, берёт ключ.

— Подержи вот тут.

— Где?

— Тут. — Перехватывает мою руку, прижимает пальцы к раме, рядом с цепью. Ладонь горячая. Чёрная от масла. На моём запястье остаётся тёмный отпечаток. — Не двигай.

Стою. Держу.

— Посвети снизу.

Даёт фонарик. Луч пляшет.

— Ровнее, Новикова.

— Я тебе подмастерье, что ли?

Звук ключа. Гул улицы за воротами.

— Готово.

Выпрямляется. Бросает ключ на верстак — и я уже за скобками.

— Можешь забирать.

Отхожу на шаг. Берусь за руль — и замечаю.

На стене, за рядом гаечных ключей, к планке прилеплена фотография. Углы помяты, один оторван. Трое детей на фоне белого внедорожника. Мальчик в кепке — Макс, лицо торжественное, как на школьной линейке. Девочка с хвостиком и щербатой улыбкой — я. И Руслан: без кепки, локоть ободран, корчит рожу в камеру.

Нам десять. Может, одиннадцать.

Фотография висит в мастерской его отца. Здесь, где он проводит каждый день. Среди ключей, тисков, масляных пятен.

Руслан перехватывает мой взгляд. На долю секунды его лицо становится другим — открытым что ли. А потом створка захлопывается.

— Отец повесил. Давно.

Может, и отец.

Выкатываю велосипед на улицу. Солнце бьёт в глаза.

Ухожу.

Следующая неделя складывается странно.

Руслан — везде.

В «Пятёрочке» у дома — берёт хлеб и кефир. В парке, где я бегаю по утрам, — сидит на скамейке с телефоном, как будто там и жил. У школы, когда забегаю за расписанием, — его велик у забора.

Три раза. В разных концах города. Просто мимо проходил.

Каждый раз — кивок, полуулыбка, пара слов. «Привет, Новикова.» «Бегаешь?» «Расписание пришла узнать?»

И уходит. Как будто ему всё равно.

Я списываю на маленький город и последнюю неделю лета. Другого объяснения у меня нет.

А фотография в мастерской — стоит перед глазами каждый вечер. Трое детей на фоне белого внедорожника. Он ничего не забыл. Только делает вид. Но почему?

Первое сентября.

Школьный двор пахнет астрами. Все загорелые, повзрослевшие, громкие. Одиннадцатый класс — последняя линейка в начале года, последний круг.

Даша вцепляется мне в локоть, Карина щебечет про стрижку, Илья машет издали.

— Ань!

Оборачиваюсь. Макс. Волосы уложены, в белой рубашке, расстёгнутой на две пуговицы. Улыбка — широкая, открытая. Так и хочется улыбнуться в ответ.

Я улыбаюсь.

Он подходит, обнимает, приподнимает над землёй. Целует — быстро, при всех, по-хозяйски.

— Скучал.

— Я тоже.

И это правда. Я привыкла, что он рядом.

Макс ставит меня на землю. Рука ложится на плечо. Он говорит про сборы, про тренера, который гоняет до рвоты, про то, что отпустили только на две недели, а потом — обратно.

Две недели.

Киваю. Улыбаюсь. Слушаю.

Через его плечо вижу Руслана. У ограды. Руки в карманах. Смотрит. Секунда — отводит взгляд, разворачивается, уходит.

А перед глазами — снова фотография. Трое детей на фоне белого внедорожника. Оборванный угол, помятые края.

Может, ещё не поздно. Может, то, что сломалось в шестнадцать, можно склеить.

— Макс.

— М?

— Позови Руса. Как раньше. Ты на две недели, а мы даже ни разу втроём не...

Макс смотрит на меня. Что-то мелькает в лице — быстрое, нечитаемое. Потом улыбается.

— Ладно. Сейчас наберу.

Достаёт телефон. Набирает.

Гудки.

Глава 3

Гудки. Переключает на громкую. Три. Четыре.

Макс смотрит на экран, потом на меня — бровь приподнята, губы кривятся в полуулыбке.

— Не слышит, наверное. Или опять...

— Чего надо, Белов?

Голос в динамике недовольный. Макс подмигивает мне.

— Рус. Давай сейчас сходим куда-нибудь втроём. Как раньше. Я на две недели, потом опять сборы.

Тишина. Такая долгая, что я успеваю подумать — уже отключился.

— Где?

— Иди сюда и всё решим.

— Занят.

— Тогда — «Якорь». Через два часа.

Снова пауза. Я слышу лай собаки и чей-то голос.

— Ладно.

Макс убирает телефон. Улыбается — довольная, мальчишеская улыбка, от которой появляются ямочки на щеках.

— Видишь? Всё просто.

Просто. Для Макса всё всегда просто.

Линейка тянулась как всегда — речь директора, букеты, первоклашки с колокольчиком. Макс стоял рядом, рука на моём плече. Я ловила себя на том, что оглядываюсь — раз, другой, третий.

Руслан так и не вернулся. После звонка его видели во дворе школы — сел на велик и уехал. Даша спросила, кого я ищу. Никого. Дальше — на автопилоте: расписание, учебники, Макс, который говорил за двоих.

Потом набежали тучи, и зарядил мелкий дождь — из тех, что не пугают, но портят всё: причёску, настроение, планы.

«Якорь» — кафе на набережной, зажатое между лодочной станцией и магазином снастей. Когда-то наши отцы приходили сюда по пятницам: три мужика за угловым столом, кофе, разговоры о поставках, контрактах, планах на расширение. Нас сажали за соседний. Макс выстраивал крепости из сахарных кубиков. Руслан таскал салфетки и запускал бумажные самолёты в официантку. Я считала корабли на реке.

С тех пор кафе перекрасили, сменили вывеску. Только столы те же — тяжёлые, деревянные, с царапинами, которые не берёт никакая лакировка.

Макс берёт два стакана колы, ставит на стол. Третий — пустой — двигает к свободному стулу.

— Заказал тебе с лимоном. Помню, ты без лимона не пьёшь.

Сажусь напротив. Макс накрывает мою руку своей — тёплая, сухая ладонь. Большой палец рисует круг на моём запястье. Привычный жест.

Семь ноль пять. Руслана нет.

Семь двенадцать.

Макс барабанит пальцами по столу. Ритм ускоряется.

— Может, не придёт, — говорю я.

— Придёт. Он слово держит.

Дверь открывается в семь пятнадцать. Руслан. Чёрная футболка, джинсы, кеды. Волосы мокрые — то ли душ, то ли дождь. Останавливается у входа, оглядывает зал. Взгляд проходит по мне, не задерживаясь.

Подходит. Садится рядом с Максом. Расстояние выбрано точно: достаточно близко для друга, достаточно далеко, чтобы я осталась на другом берегу стола.

— Рус! — Макс хлопает его по плечу. — Загорел, кстати.

— Завидуешь, Белов?

Макс смеётся. Руслан дёргает уголком рта.

Официантка приносит меню. Руслан не открывает.

— Бургер. Без лука.

Он помнит, что здесь заказывал пять лет назад. Всё помнит.

Макс рассказывает про сборы. Тренер — зверь. Полузащитник вывихнул плечо на третий день. Номера в гостинице — как камеры: кровать, тумбочка, запах хлорки. Он рассказывает легко, с паузами для эффекта, и я вижу, как Руслан слушает — внимательно, чуть наклонив голову. Не перебивает. Не шутит. Другой человек.

Тот Руслан, что дразнил меня на велосипеде, — исчез. Этот — собран, как пружина в корпусе часов. И я не знаю, какой из них настоящий.

— А ты? — Макс поворачивается к Руслану. — Чем занимался?

— Мастерская. Заказы. Рутинка.

— Отец как?

— Нормально.

Два слова. Стена.

Макс не давит. Он знает, где граница.

Приносят еду. Руслан ест молча, методично. Макс крадёт картошку с моей тарелки — я шлёпаю его по руке, он смеётся, и на секунду всё становится как раньше. Три ребёнка за столом, мир простой.

Только мир давно не простой.

— Помнишь, как мы у баб Зины яблоки таскали? — говорит Макс. — А Рус через забор перелез и застрял на обратном пути. Карман зацепился, и он висел, пока мы его не стащили.

Руслан фыркает. Я смеюсь — и смех этот неожиданно лёгкий.

— Она с крыльца кричала, что вызовет кого следует, — говорю я.

— Ты плакала, — добавляет Руслан. Взгляд — в тарелку. — Думала, нас правда посадят.

— Я не плакала.

— Плакала. У тебя нос краснел. Как сейчас.

Макс хохочет. Я трогаю нос — машинально, глупо. Руслан поднимает взгляд. Одна секунда — и в глазах мелькает что-то тёплое, живое. Тут же гаснет.

Он отводит глаза.

Разговор плывёт. Школа, выпускной, экзамены. Макс говорит о будущем — МГИМО, дипломатическая карьера, стажировка в посольстве. Говорит уверенно, как человек, у которого есть план и запасной план к плану.

— А ты, Рус?

Руслан вертит стакан.

— Мастерская отца.

— Серьёзно? Всю жизнь?

— А что не так с мастерской?

Макс поднимает руки — сдаюсь, мол.

— Всё так. Просто ты мог бы больше.

— Мог бы. Не хочу.

Повисает тишина. Короткая, но плотная. Макс делает глоток колы. Руслан смотрит в окно.

Я хочу что-то сказать, но Макс вдруг выпрямляется, лезет в карман.

— погоди. Отец звонит. — Берёт трубку. — Да, пап. Да. Сейчас не могу, я... Ладно. Ладно, понял.

Кладёт телефон на стол. Выражение лица чуть меняется — не напряжённое, скорее подтянутое. Как будто надел пиджак поверх футболки.

— Отец просит заехать. Документы какие-то из салона, нужна моя подпись.

— Из салона? — говорю я. — Какие документы?

— Перерегистрация. — Макс машет рукой. — Там бумажная ерунда после... ну, после перемен.

После перемен. Так он это называет. После того как папы не стало. После того как авто-салон «Белов, Туманов, Новиков» стал просто «Белов Авто».

Замечаю: Руслан перестаёт вертеть стакан. Пальцы замирают на стекле. Смотрит на Макса — не в лицо, а чуть ниже, на подбородок.

— Какая перерегистрация? — спрашивает Руслан.

Голос обычный. Вопрос обычный. Но что-то в интонации — дополнительный слой, который я слышу, а расшифровать не могу.

— Долю Новиковых выкупаем полностью. Формальность, — говорит Макс. — Ань, твоя мама в курсе. Не парься. Ты же всё равно со мной.

Моя мама в курсе.

А я — нет.

Что-то сжимается в рёбрах — не обида, что-то ближе к оторопи. Мою фамилию убирают с документов, а мне говорят «не парься».

Руслан ставит стакан на стол. Поднимает глаза на Макса — и я вижу, как между ними проходит что-то невидимое. Быстрый обмен. Вопрос, который Руслан задаёт молча, и ответ, который Макс даёт одним движением челюсти — едва заметным, но достаточным.

Мне не показалось.

— Чёрт. — Макс смотрит на телефон, поднимается. — Отец ждёт через пятнадцать минут. Опоздаю — убьёт.

Натягивает куртку, наклоняется ко мне, целует в макушку. Уже на ходу оборачивается к Руслану.

— Рус, проводишь Аню? Не хочу, чтоб одна шла.

Руслан замирает. На долю секунды — что-то неуловимое в лице.

— Ладно.

Макс хлопает его по плечу и исчезает за дверью. Колокольчик звякает дважды.

Руслан допивает колу.

Смотрит в окно.

Я встаю первая.

— Ладно. Спасибо за вечер. Я пойду.

— Я провожу.

— Не надо. Тут десять минут, светло ещё.

Руслан поднимается. Руки в карманы.

— Макс попросил, значит, провожу.

Не хочу спорить.

Выходим. Вечер тёплый, небо — розовое по краям, синее сверху. Набережная полупустая: женщина с коляской, дед с удочкой, подростки на лавке с колонкой. Музыка доносится обрывками — что-то басовое, неразборчивое.

Идём молча. Его шаг шире моего. Я не подстраиваюсь — пусть он замедляется, если хочет идти рядом. Замедляется.

Поворот на Гагарина. Перегоревший фонарь на углу.

— Спасибо, — говорю у подъезда.

Руслан кивает. Открывает рот — и в ту же секунду сверху раздаётся треск. Я не успеваю даже поднять голову, как он резко дёргает меня за локоть. Спина врежется в кирпичную стену. Руслан тут же оказывается передо мной, упираясь ладонью в стену над моей головой и закрывая собой. Цветочный горшок разбивается о плитку ровно там, где секунду назад стояла я.

Тишина.

Сверху — сдавленное «ой, господи!».

Не двигаюсь. Он тоже. Его дыхание — у моего виска. Рука всё ещё над головой. Между нами — ничего. Ни воздуха, ни расстояния, ни причины стоять так долго рядом.

Поднимаю глаза.

Лицо Руслана — совсем близко.

Глава 4

Считаю его ресницы.

Глупая, абсурдная мысль, но именно она вспыхивает первой — пока лицо Руслана в десяти сантиметрах от моего, пока его дыхание оседает на коже, пока ладонь упирается в кирпич над моей головой. Ресницы тёмные, загнутые на кончиках. Несправедливо, что такие достались парню.

Сверху — женский голос, причитания: кот, подоконник, «простите, ой, господи».

Руслан не поднимает головы. Не двигается.

Двигаюсь я.

Выскальзываю боком — из-под его руки, из зазора, в котором не осталось воздуха. Шаг назад. Тротуарная плитка хрустит под подошвой — осколки, земля, корень какого-то растения.

Руслан опускает руку.

— Спасибо, — говорю я. — И как ты только заметил.

— Интуиция. — Уголок его рта дёргается. — Над твоим подъездом опасная зона.

Ключи в руке. Кольцо давит в ладонь. Мне нужно развернуться и войти. Прямо сейчас. Потому что если я простою ещё три секунды, скажу какую-нибудь глупость.

— Ещё раз спасибо... — Киваю на осколки.

— Не за что.

Открываю дверь подъезда.

— Новикова.

Оборачиваюсь.

Он стоит среди черепков и комьев земли. Руки в карманах. Фонарь за спиной, лицо в тени.

— Макса увидишь — скажи, что всё нормально было.

— А было не нормально?

Пауза. Секунда. Две.

— Нормально, — говорит он. — Давай, пока.

Дверь закрывается. Подъезд. Лампа на первом этаже мигает третий месяц. Почтовые ящики, запах сырости и чьего-то ужина. Поднимаюсь пешком. Четыре этажа. На третьем пролёте останавливаюсь, выдыхаю. Провожу пальцами по лицу — щёки горят.

Это был горшок. Он дёрнул меня, потому что падал горшок. Любой бы дёрнул. Это ничего не значит. И вообще, зачем я об этом думаю.

Ключ в замке. Два оборота.

На кухне горит свет. Мама за столом, ноутбук открыт. Бабушка Нина в кресле у окна — спицы в руках, клубок на коленях. Телевизор бормочет вполголоса.

Мама снимает очки. Взгляд — с ног до головы. Оценка.

— Половина десятого, Аня.

— Мы в «Якоре» сидели. С Максом.

— До половины десятого?

— Там ещё ребята были.

Бабушка вяжет, не поднимая головы. Спицы цокают.

— А Максим где? — Мама складывает очки. — Почему не проводил?

— Проводил. Его Константин Григорьевич вызвал — документы какие-то.

— И ты одна шла?

— Мам, тут недалеко.

— По темноте. Одна. — Мама закрывает ноутбук. — Аня, мы об этом говорили. Ты звонишь, если Макс не может проводить. Я выхожу, бабушка выходит, кто-нибудь выходит. Но ты не ходишь одна.

Не одна. Меня провожал Руслан Туманов. Но это — из тех вещей, которые лучше не произносить на маминой кухне.

— Хорошо. В следующий раз позвоню.

— Хорошо. — Мама надевает очки обратно. Фраза — как галочка в списке. Всё по плану.

Наливаю воду из фильтра. стакан стучит о зубы — руки немного дрожат.

Бабушка откладывает спицы, достаёт новый моток и протягивает маме.

— Натужь, поддержи.

Мама вздыхает, но подставляет руки. Бабушка начинает перематывать шерсть — неспешно, виток за витком.

— Мам.

— М?

— Макс рассказал про перерегистрацию.

Шерсть натягивается и замирает. Мамины руки — на весу. Бабушкины пальцы — на нитке. Обе неподвижны. Секунда. Две.

Бабушка опускает взгляд и снова тянет нить. Мама сглатывает.

— Макс рассказал, — повторяет она.

— Да. В кафе. Почему?

Бабушка бросает нить и отодвигается.

— Это давно решённый вопрос, Аня. — Мама кладёт шерсть на сто. — Мы не тянем. Содержание, бухгалтерия, ответственность. Константин Григорьевич предложил хорошие условия.

— Когда?

— Что — «когда»?

— Когда решили? Почему я не знала?

— Потому что тебе семнадцать и у тебя экзамены. — Мама встаёт из-за стола. — Это не школьная олимпиада, Аня. Это юридический вопрос, которым занимаются взрослые.

— Папа строил этот салон.

На глаза наворачиваются слёзы.

— Сумма позволит закрыть кредит и...

— Аня правду спрашивает.

Бабушка. Тихо, но так, что мама замолкает на полуслове.

Нина Андреевна — маленькая, сухая, в домашнем халате с вышитыми подсолнухами. Спицы в руках. Голос — стальной.

— Девочке скоро восемнадцать.

— Мама, — говорит моя мама тем тоном, который означает «не сейчас».

— Что мама? — Бабушка поправляет очки на переносице. — Костя Белов — хороший человек. Но хорошие люди тоже умеют считать деньги. И у хороших людей бывают свои причины торопиться.

— Мама!

Бабушка замолкает. Берёт спицы и снова вяжет.

Тишина. Телевизор бубнит про погоду.

— Иди спать, Аня. — Мама открывает ноутбук. — Завтра поговорим.

Мы не поговорим. Она так всегда. «Потом обсудим», «не сейчас», «тебе рано».

— Спокойной ночи.

Коридор. Комната. Дверь.

Ложусь. Потолок. Полоска света из-под двери.

Через стенку — голоса. Мама и бабушка. Тихие, быстрые. Не ругаются — спорят. Разобрать слова не могу, только интонации: мамина — ровная, сдержанная, бабушкина — настойчивая.

Одно слово прорывается сквозь стену: «Серёжа».

Папино имя.

Потом тишина.

Лежу. Телефон на тумбочке. Сообщение от Макса:

«Добрался. Подпись поставил. Скучаю. Спокойной ночи»

Набираю:

«Спокойной ночи».

Отправляю.

Стираю смайлик сердечко, который чуть не добавила. Не хочу.

Закрываю глаза и вижу не Макса.

Осколки на тротуарной плитке. Земля. Руки в карманах.

«Макс вернётся — скажи, что всё нормально было».

Было. Прошедшее время. Как будто «нормально» уже прошло.

Школа на второй день сентября — это ещё не школа. Это раскачка.

Расписание плавает, кабинеты путаются, коридоры пахнут свежей краской и пылью из-под радиаторов. Учителя раздают учебники и делают вид, что не замечают телефоны на партах. Завуч караулит у входа — лично вылавливает тех, кто пришёл без сменки.

Все загорелые, повзрослевшие, громкие. Обсуждают лето, новые стрижки, кто с кем расстался, кто с кем сошёлся.

Одиннадцатый класс бродит по коридорам с особенным выражением лица — последний год, и каждый это знает.

Руслана нет. Первый урок — и его нет.

Второй урок — биологию заменяют на классный час. Елена Сергеевна рассказывает про ЕГЭ, сроки, пробники в октябре. Записываю. Даша рисует цветочки на полях.

— Новикова, задержись, — говорит Елена Сергеевна, когда звенит звонок.

Даша бросает вопросительный взгляд. Пожимаю плечами.

Класс пустеет. Елена Сергеевна складывает бумаги в папку, смотрит на меня поверх очков.

— Аня, у меня к тебе просьба. Ты идёшь на медаль. Характеристики, портфолио — нам нужно собрать к ноябрю. И мне нужен человек, который подтянет двоих-троих по русскому и литературе к пробнику. Репетитор из учеников.

Не откажу. Я никогда не отказываю. Моя суперспособность и моё проклятие.

— Кого именно?

Елена Сергеевна достаёт список. Три фамилии.

Вторая — Туманов.

— Он экзамен завалит, если не подтянется, — говорит Елена Сергеевна. — А парень не глупый. Просто ему, видимо, не до учёбы.

— Хорошо, — вздыхаю.

— Замечательно. Я им скажу. Начнёте на следующей неделе.

Выхожу в коридор. Дверь закрывается за спиной.

Стою.

Гул и смех внизу. Кто-то хлопает дверью. По лестнице грохочут шаги — младшеклассники несутся на перемену.

Туманов. Мне его учить. Сидеть рядом, разбирать тексты, объяснять правила. Каждую неделю. До ноября.

Макс уедет через двенадцать дней.
А я останусь. И буду заниматься с Русланом.

Глава 5

Двенадцать дней с Максом — как двенадцать одинаковых бусин на нитке. Тёплых, гладких, правильных.

Учёба набирает обороты. Елена Сергеевна раздаёт расписание пробников, завуч требует образцового поведения, в столовой пахнет капустой и компотом из сухофруктов.

Макс рядом. Каждый день. Встречает у кабинета, берёт рюкзак, несёт до столовой. На обеде кладёт руку на спинку моего стула. Провожает до подъезда, целует — коротко, уверенно, при свете фонаря. Звонит вечером: тренер, нагрузки, ребята из команды. Я слушаю. Киваю в телефон. Ловлю себя на том, что глажу край подушки и думаю о том, что смертельно хочу спать.

Макс говорит о будущем часто и легко. МГИМО, стажировка, Москва. «Мы с тобой», — говорит он, и я слышу не предложение — расписание. Маршрут, который кто-то проложил за меня. Мне тепло и спокойно. Чуть тесно в груди, но я списываю это на начало учебного года и дурацкие гормоны.

В субботу едем на дачу — мама, бабушка Нина и я. Закрываем сезон. Яблоки. Банки. Бабушка воюет с соседским котом, который повадился спать на грядке с укропом. Мама маринует огурцы и молчит. Она вообще в последнее время молчит чаще обычного — после разговора о перерегистрации между нами осталась трещина, которую обе старательно обходим.

На даче я сплю двенадцать часов. Просыпаюсь — и первые три секунды не помню ни про экзамены, ни про Макса, ни про фотографию в мастерской.

Потом вспоминаю.

Руслан — на периферии. В школе мелькает в коридоре: кивок, полуусмешка, «Привет, Новикова».

Я не пристаю.

В четверг в коридоре у кабинета химии я роняю пенал. Он рассыпается — ручки, карандаши, ластик, всё разлетается по полу. Приседаю, собираю. Чья-то рука подаёт мне маркер — жёлтый, мой любимый, которым я выделяю цитаты в конспектах.

Руслан. На корточках, одно колено на полу.

Пальцы соприкасаются на пластиковом корпусе. Полсекунды. Он отпускает, выпрямляется, уходит.

Утро отъезда Макса.

Стою перед шкафом. Джинсы — понятно. Футболка. Серая или белая? Серая проще. Белая — нарядная. Бирюзовая подходит к глазам, но зачем, я же просто на вокзал...

Надеваю серую. Потом снимаю. Надеваю белую. Снимаю. Возвращаю серую.

Господи, Новикова. Это вокзал, а не кастинг.

Бабушка Нина в кресле у окна. Спицы. Клубок. Смотрит на меня, когда я выхожу в коридор.

— Три раза переодевалась.

— Провожая, бабуль. Макса.

— Я уж поняла, кого.

Молчу. Обуваюсь. Выхожу.

Вокзал маленького города — это одна платформа, лавочка с облезлой краской и электронное табло.

Макс уже здесь. Спортивная сумка у ног, белая рубашка, улыбка. Рядом — родители. Константин Григорьевич в светлой рубашке с закатанными рукавами, руки сложены на груди.

Елена Владимировна — в льняном платье, солнечные очки на макушке. Оба — картинка. Семья, в которой всё выстроено, отлажено, работает.

— Аня! — Макс притягивает меня, целует в висок. — Думал, опоздаешь.

— Я? Опоздаю?

— Ну, чудеса случаются.

Константин Григорьевич кивает мне. Доброжелательно, ровно. Я вписываюсь в его картину мира — дочь бывшего партнёра, отличница, девушка сына. Правильный элемент в правильной схеме.

— Как мама, Аня?

— Хорошо, спасибо.

Макс обнимает мать, жмёт руку отцу. Елена Владимировна поправляет ему воротник, говорит что-то про витамины и режим сна. Константин Григорьевич кладёт ладонь сыну на плечо.

— Выложись, Максим. По полной выложись.

И хлопает его по плечу.

Макс кивает — серьёзно, быстро. Солдат, получивший приказ.

Руслан появляется за пять минут до отправления. Джинсы, чёрная футболка, руки в карманах. Идёт медленно, будто на перроне — место только для него, а поезд подождёт.

Макс оживает. Что-то в нём меняется, когда Руслан рядом, — ослабевает пружина, с которой он держит спину при отце.

— Рус! Думал, проспешь.

— Обижаешь, Белов. Я ради тебя будильник поставил.

— О, целый будильник. Это конец света.

Константин Григорьевич поворачивается к Руслану. Пауза — короткая, но я замечаю.

— Здравствуй, Руслан.

— Здравствуйте, Константин Григорьевич.

Рукопожатие. Чуть дольше, чем формальность. Константин Григорьевич смотрит на Руслана — и в этом взгляде что-то, чего я не могу назвать. Как будто между ними скрытый смысл, недоступный окружающим. Руслан выдерживает взгляд. Опускает руку. Отходит к Максиму.

Объявление — гнусавое, неразборчивое, знакомое. Поезд на Москву через четыре минуты.

Макс обнимает меня. Крепко, по-хозяйски. Губы у уха.

— Время быстро пролетит.

— Угу.

— Созвонимся вечером?

— Конечно.

Он отпускает меня и поворачивается к Руслану.

— Рус. На минутку.

Отходят к краю платформы. Я стою рядом с Еленой Владимировной, которая проверяет что-то в телефоне. Смотрю на двоих парней у жёлтой линии.

Макс говорит достаточно громко, чтобы я услышала.

— Присмотри за Аней. Серьёзно. Она сильная, но после дяди Серёжи иногда уходит в себя. Если что-то будет не так — звони.

Внутри вспыхивает. Присмотри. За мной. Я что, маленькая?

Сжимаю зубы. Елена Владимировна в двух метрах, листает телефон. Константин Григорьевич проверяет часы. Сцену устраивать негде, да и не из чего — он же заботится. Он хороший. Мне положено быть благодарной.

Руслан смахивает чёлку со лба. Макс ждёт.

— Она крепче, чем ты думаешь, Белов.

Вот. Руслан сказал то, что я проглотила.

— Знаю. Просто будь рядом.

Пауза. Руслан смотрит куда-то мимо Макса — и на долю секунды его взгляд пересекается с моим. Одно касание. Я отвожу глаза.

— Ладно.

Макс хлопает его по плечу. Возвращается довольный. Человек, который нажал все кнопки и уверен — механизм сработает.

Поезд подходит. Лязг. Двери.

Макс подхватывает сумку, запрыгивает на ступеньку, оборачивается. Улыбка мальчишеская, широкая, с ямочками. Машет.

Двери закрываются.

Поезд трогается. Набирает ход. Платформа пустеет.

Константин Григорьевич поворачивается ко мне. Кивок — тёплый ровно настолько, насколько требует приличие.

— Аня, если что-то нужно — звони Елене. Маме привет.

— Спасибо, Константин Григорьевич.

Елена Владимировна коротко сжимает мне плечо. Улыбка — дежурная, отрепетированная на сотне таких же проводов.

— Береги себя, Анечка. Не перегружайся с учёбой.

Константин Григорьевич берёт жену под руку.

— Поехали, Лена. Дела.

Они уходят. Каблуки Елены Владимировны, уверенный шаг её мужа. Ни разу не оборачиваются.

Остаёмся двое. Я и Руслан. Пустая платформа, запахи железной дороги.

— Что он тебе сказал? — спрашиваю. Хотя знаю.

Руслан засовывает руки глубже в карманы.

— Попросил за тобой присмотреть. — Пауза. — Я и так бы присмотрел, Новикова. Можешь не волноваться — не потеряешься.

Смешно ему.

— Мне не нужна нянька, Туманов.

— Вот и отлично. Я в няньки не нанимался.

Разворачивается. Уходит. Руки в карманах, шаг широкий, спина прямая. Я смотрю ему вслед — три секунды, четыре — и злюсь на себя за то, что считаю.

Вечер. Комната. Потолок.

Мама за стеной разговаривает с кем-то по телефону — голос ровный, деловой. Бабушка Нина гремит посудой на кухне. Обычный вечер. Макс уехал, но ничего не изменилось. Те же звуки, тот же свет, тот же потолок.

Сообщение.

Макс:

«Доехал. Всё норм. Тренер уже озвучил расписание — ад. Скучаю».

Набираю:

«Рада, что доехал. Скучаю тоже».

Отправляю. Кладу телефон на тумбочку.

Через минуту — вибрация.

Руслан.

«Новикова, завтра в шесть зайду. Не проспй.»

Перечитываю. Зайдёт. В шесть. Куда зайдёт? Зачем?

Набираю:

«В смысле?»

Ответ — мгновенно:

«В прямом. ЕС сказала — первое занятие завтра. Ты же мой репетитор, Новикова. Или уже забыла?»

Забыла. Среди проводов, поезда, начала учёбы — вылетело начисто. Завтра. Руслан. Учебники. Я объясняю, он слушает.

Набираю:

«Помню. Шесть — рано. Семь.»

Руслан:

«Семь тридцать. Компромисс.»

Кладу телефон экраном вниз.

Через тридцать секунд переворачиваю. Перечитываю. Расписание. Репетиторство. Ничего особенного.

Но я улыбаюсь.

Стираю улыбку. Кладу телефон.

Переворачиваю снова.

Глава 6

Будильник звонит в шесть тридцать. Я лежу с открытыми глазами — проснулась раньше. Минут на двадцать. Может, на сорок.

Душ. Зеркало. Щётка путается в волосах, я дёргаю — больно, но хотя бы просыпаюсь окончательно. Форма, сменка. Обычное утро. Обычный день. Одноклассник зайдёт позаниматься перед школой, потому что Елена Сергеевна попросила.

Обычное утро.

Тогда почему я стою перед зеркалом и третий раз заправляю футболку в юбку, а потом выправляю обратно?

Бабушка Нина на кухне. Каша на плите, чайник вскипел, спицы лежат на подоконнике рядом с клубком. Она уже одета — юбка, кофта на пуговицах, сумка у двери. Поликлиника. Запись на восемь.

— Бабуль, ко мне в полвосьмого зайдёт одноклассник. Позанимаемся перед школой. Елена напрягла.

— Какой одноклассник?

— Туманов. Нужно подтянуть по литературе.

Сама не понимаю, почему испытываю неловкость, когда произношу его фамилию. Когда-то Руслан был родным для нашей семьи. А потом всё сломалось.

Бабушка ставит тарелку с кашей на стол. Ложка. Масло. Всё выверено, точно, без лишних движений.

— Русланчик?

Моргаю. «Русланчик». Никто так не называл его с тех самых пор. Для школы он Туманов. Для улицы — Рус. Для участкового — условно осуждённый. А для бабушки Нины — Русланчик. Мальчик, который ел у нас блины с вареньем и ронял крошки на ковёр.

— Да, бабуль.

Бабушка молчит. Наливает мне чай. Отворачивается к окну — поправить клубок, который не нуждается в поправке. Шмыгает носом. Один раз, коротко.

— Бабуль, ты...

— Пей, остынет.

В семь двадцать восемь — домофон.

Бабушка стоит в коридоре, уже в туфлях. Я тянусь к трубке — бабушка опережает.

— Кто?

— Здравствуйте, Нина Андреевна. Это Руслан.

Бабушка нажимает кнопку. Поворачивается ко мне. Лицо — спокойное, но глаза слишком внимательные.

Шаги на лестнице. Звонок.

Открываю. Руслан в дверном проёме — чёрная футболка, рюкзак на одном плече, волосы чуть влажные. Замирает на пороге, смотрит мимо меня — на бабушку.

— Привет.

Бабушка оглядывает его. Снизу вверх. Медленно.

— Вырос. — Пауза. — Худой.

Руслан дёргает уголком рта.

— Отцу привет, — говорит бабушка. Берёт сумку, проходит мимо него к двери. В дверях оборачивается. — Каша на плите. Покорми мальчика, Аня. Смотреть больно.

И уходит.

На лестнице — шаги, потом тишина.

Руслан стоит на пороге. Смотрит внутрь — и я вижу, как его взгляд проходит по коридору: вешалка, обувная полка, обои в мелкий ромб, которые не менялись с тех пор, как нам было по десять.

— Разувайся, — говорю я.

Разувается. Ставит кроссовки ровно, носками к стене. Я замечаю это и не могу объяснить, почему замечаю.

Руслан делает шаг в коридор — и останавливается. Смотрит на стену справа. Там висела большая рамка: папа, дядя Костя и дядя Витя на открытии салона. Ленточка, шампанское, три мужчины с лицами людей, которые только что поставили всё на одну карту. Я помню её наизусть — проходила мимо каждый день десять лет.

Рамки нет. Светлый прямоугольник на обоях. Мама сняла после похорон.

Руслан смотрит на этот прямоугольник. Я смотрю на Руслана. Он не спрашивает. Я не объясняю.

Идёт дальше и поворачивает к кухне раньше, чем я говорю, куда идти.

На кухне он замедляется. Руки по швам — непривычный жест, без карманов ему некуда деть пальцы. Оглядывается: стол, табуретки, полка с банками. Всё то же. Только тесно стало — новая посудомойка и бабушкино кресло у окна. Когда Руслан бывал здесь в последний раз, бабушка жила отдельно. Она переехала к нам после папы.

Он и это считывает. Молча.

Взгляд цепляется за холодильник. На дверце, под магнитом из Анапы, — фотография: папа, мама и я на набережной. Маленькая я улыбаюсь. Передних зубов нет, платье в горошек. Папа держит меня на руках, щурится от солнца.

Руслан смотрит долго. Дольше, чем на пустой прямоугольник в коридоре.

— Дядя Серёжа, — говорит он. Тихо. Не мне — себе.

У меня перехватывает горло. Потому что последний человек, который называл папу так, — Макс. И то давно. Мама говорит «папа». Бабушка — «Серёжа» или «Серёженька». А «дядя Серёжа» — это из того мира, где три семьи, пятничные шашлыки, и никто ещё не знает, чем всё закончится.

Руслан отводит глаза. Садится за стол. Лицо невесёлое.

— Каши? — спрашиваю я.

— Нина Андреевна велела. Не спорю с командирами.

Кладу ему кашу. Ставлю чашку. Сажусь напротив. Расстояние — стол между нами.

Руслан ест. Я достаю тетрадь, список произведений, распечатку с планом подготовки. Ручка. Маркер. Всё разложено. Я готова. Я в своей роли. Отличница, репетитор, медалистка.

— Итак, Туманов. Что из школьной программы ты читал?

Он доедает кашу. Отодвигает тарелку. Берёт мой список, пробегает глазами.

— Ручка есть?

Протягиваю. Руслан вычёркивает — быстро, без пауз. Возвращает лист. Я смотрю. Половина списка перечёркнута. «Война и мир», «Преступление и наказание», «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», Куприн, Бунин, Чехов.

— Ты «Тихий Дон» прочитал? — Не верю. — Целиком?

— Целиком. Два раза. Первый — в четырнадцать. Не понял. Второй — в прошлом году. Понял.

Смотрю на него. Руслан откидывается на стену позади, руки за голову, и в этой позе — весь его фасад: наглый, ленивый. Мне плевать. Я тут главная.

Но он прочитал «Тихий Дон» дважды.

— Тогда в чём проблема с экзаменом?

— В том, что я не умею писать то, что хотят услышать. Я умею думать. А оценки ставят за формат.

Мне нечего возразить. Потому что он прав.

Переходим к Куприну. «Гранатовый браслет» — я открываю тетрадь с заметками, хочу пройтись по основным темам. Руслан слушает тридцать секунд, потом перебивает.

— Желтков — единственный честный человек в этой повести. Остальные играют в приличия.

— Это слишком упрощённо.

— Почему? Вера Николаевна получает любовь, о которой потом будут писать книги. И первое, что делает, — зовёт мужа и брата. Вместо того чтобы хоть раз поговорить с Желтковым сама.

— У неё не было выбора. Она замужем.

— Выбор есть всегда. Она выбрала спокойную жизнь.

Я открываю рот — и закрываю. Потому что аргумент выстроен чисто. Потому что он говорит про Веру, а я слышу про себя.

— Это для экзамена не подойдёт, — говорю я. — Такую позицию нужно обосновать текстом, а не эмоциями.

— Так научи. Ты же репетитор, Новикова.

Усмехается. И я вижу: ему интересно. По-настоящему. Он не отбывает повинность — он хочет, чтобы я ему возразила. Хочет спор. Хочет, чтобы я билась.

Открываю текст. Нахожу сцену с письмом Желткова. Кладу книгу между нами — корешком к центру стола, чтобы оба видели.

— Вот. Читай отсюда. Найди три аргумента в пользу Веры. Если найдёшь — признаю, что ты прав: она выбирала. Если нет — значит, у неё действительно не было пространства для выбора.

Руслан наклоняется над книгой.

Я тоже.

Страница между нами. Мелкий шрифт. Руслан ведёт пальцем по строчке — и его плечо касается моего. Лёгкое, случайное давление. Тепло сквозь ткань.

Не отодвигаюсь. Секунду. Две. Три. Четыре. Пять.

Он пахнет мылом. А ещё — машинным маслом. Вьелось в кожу. В нашей кухне, среди бабушкиных спиц и маминых чашек, этот запах — чужой.

Руслан поворачивает голову. Его лицо — близко. Мне видны ресницы и тёмная точка на радужке левого глаза.

Отшатываюсь. Стул скрипит по полу.

— Чай. Будешь чай? Чайник остыл, я подогрею.

Встаю. Беру чайник. Спиной к нему. Кнопка. Щелчок. Шум воды.

Щёки горят. Пальцы на ручке чайника подрагивают.

Руслан за спиной молчит. Я слышу, как он переворачивает страницу.

— Нашёл два, — говорит он. Голос ровный. Будто ничего не случилось. — Третий спорный.

— Третий обсудим в школе, — говорю я, не оборачиваясь. — Нам пора.

Выходим.

Руслан закидывает рюкзак на плечо. Я запираю дверь. На лестничной площадке — узко, и когда поворачиваюсь, почти врезаюсь в него.

Улица. Солнце. Сентябрьское утро — воздух ещё тёплый, но в тени уже кусается.

— Новикова.

— Что?

— Ты хороший учитель. Строгий, но честный. — Пауза. Полуулыбка. — Только не убегай каждый раз, когда становится интересно.

Идём в школу. Пятнадцать минут. И происходит странное — мне легко. Руслан подкалывает: мой почерк похож на кардиограмму, мои конспекты можно сдавать в музей, а бабушкина каша лучше любого энергетика. Я огрызаюсь. Он усмехается. Ловлю себя на том, что смеюсь, и от этого смеха — тепло в груди и страшно одновременно.

Вспоминаю: Макс просил его за мной присмотреть, вот он и старается.

И неуместно думаю: с Максом я не смеюсь так. Улыбаюсь спокойно и правильно, как подобает воспитанной девочке моего возраста.

Обрываю мысль. Не хочу об этом думать.

У школьных ворот Руслан замедляет шаг. Расстояние между нами растягивается — полшага, шаг, два. Он делает это осознанно, и я чувствую, как меняется воздух: кухня, Куприн, плечо к плечу, а сейчас между нами метр дистанции и школьный двор.

— О, — голос сбоку. — Новикова и Туманов. Вместе. С утра пораньше. Интересненько.

Карина. Стоит у крыльца, стаканчик кофе в руке, глаза сканируют — режим «запомнить, обработать, распространить».

— Елена Сергеевна попросила подтянуть его по литературе. Забыла?

— Ага. По литературе. С утра пораньше. — Глоток кофе. — Ну-ну.

Руслан проходит мимо. Бросает через плечо, не замедляясь:

— Не завидуй, Карин. На тебя у Новиковой тоже найдётся время. Только попроси.

Исчезает в дверях.

Карина смотрит на меня. Улыбка с прищуром.

— Подруга. Ты уверена, что знаешь, что делаешь?

— О чём ты? Это учёба.

— Угу.

Телефон вибрирует в кармане. Достāju.

Макс:

«Доброе утро, красивая. Первая тренировка в 6, уже умер и воскрес. Скучаю. Как ты?»

Экран светится. Карина смотрит — не на экран, на моё лицо.

Убираю телефон.

Отвечу позже.

Глава 7

Первый урок — алгебра. Руслан через три ряда, у стены. Я захожу в класс — он уже сидит. Не поворачивается. Тетрадь открыта, ручка в руке. На перемене встаёт, выходит — мимо моей парты, мимо меня. Кивок. Полувзгляд. Всё.

На перемене после третьего урока Даша утаскивает меня в столовую. Компот, сырники, Даша рассказывает про Илью. Я слушаю, киваю, жую. Через два стола сидит Руслан — с Жекой и Стасом. Говорит что-то, Жека гогочет. Руслан усмехается. Ни разу не смотрит в мою сторону.

Ни разу.

Я тоже не смотрю.

Стараюсь.

Четвёртым уроком — литература.

Руслан садится на последнюю парту. Елена Сергеевна вызывает его к доске — Тютчев, анализ стихотворения. Он отвечает: коротко, точно, без запинки. Елена Сергеевна поднимает бровь.

— Хорошо, Туманов. Даже очень.

Он возвращается на место.

А я сижу и думаю: вот он, контраст. Утром — плечо к плечу над текстом. Сейчас — три ряда и целая вселенная между нами.

С Максом такого не бывает. Макс одинаковый везде — дома, в школе, на людях, наедине. Ровный, тёплый, предсказуемый. С ним спокойно и правильно.

Второе занятие — в пустом кабинете литературы после шестого урока.

Школа вымирает быстро: хлопают двери, лестница гудит шагами, кто-то кричит на первом этаже, потом тишина. Запах мела, линолеума и чьей-то забытой мандариновой кожуры на подоконнике.

Сажусь за вторую парту у окна. Раскладываю учебник, тетрадь, распечатку. Ручка, карандаш, маркер. Всё по местам. Время идёт.

Руслана нет.

Пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Достаю телефон. Набираю:

«Туманов, занятие началось 15 минут назад. Цени чужое время».

Ответ через секунду: «Иду. Не скучай.»

Убираю телефон. Скучаю я. По нему. Как же.

Шаги в коридоре. Дверь открывается. Руслан в дверном проёме — рюкзак на одном плече, футболка с пятном на подоле, волосы как после ветра. На руке — свежая полоска, содранная кожа вдоль костяшки.

— Извини. Заказ срочный.

— Садись. Время пошло.

Садится через парту от меня. Ядвигаю учебник к нему.

— Ближе. Мне не видно.

Пересаживается. Теперь между нами сантиметров тридцать и учебник Достоевского.

— Сегодня — «Преступление и наказание». Догоним программу и можно пореже заниматься. Напиши три тезиса к теме «Право личности на жертву».

— Что ещё за тема такая?

— Сочинение скоро будет. Забыл?

Руслан открывает тетрадь. Щёлкает ручкой. Пишет. Я смотрю в окно, слушаю, как скрипит стержень по бумаге. За окном пустой двор, ветер гоняет пакет по асфальту.

— Готово.

Беру тетрадь. Почерк — рваный, угловатый, с нажимом. Первый тезис — про Раскольникова, школьный, нормальный. Второй — про Соню. Тоже ожидаемо.

Третий:

«Когда у одного на кону всё, а у другого — только он сам, выбор уже сделан. Это не жертва. Это арифметика».

Перечитываю. Поднимаю глаза.

— Арифметика?

— А что? Дети голодают — Соня платит собой. Один человек ломается, чтобы остальные выжили.

— Это упрощение. Она не считала. Она любила.

— Любила. Но голод от этого никуда не исчез. Когда несёшь за кого-то ответственность, чувства быстро превращаются в расчёт.

Что-то в его голосе меняется. Он говорит про Соню, а я слышу другое. Что именно — не могу ухватить.

— Принцип всё равно ужасный, — говорю я. — Решать, что один должен заплатить за остальных, — это гордыня.

Руслан замирает. Ручка в пальцах перестаёт крутиться.

— Может, и гордыня. Но если ты видишь, что другой не выдержит, а ты — выдержишь? Просто стоять и смотреть — это что, добродетель?

Мне нечего ответить. Он уже закрылся. Откидывается на спинку стула, руки за голову.

— Ладно, Новикова. Три из трёх или два с половиной?

— Два с половиной. Третий — сильный, но на экзамене формулировку завернут.

— Завернут, потому что честный.

— Завернут, потому что без аргументации текстом. Давай я покажу, как оформить.

Наклоняюсь к его тетради. Беру карандаш, подчёркиваю строчку, рисую стрелку.

— Вот сюда — цитату. Сюда — вывод. И убери «арифметику», замени на...

— На что? «Нравственный выбор»? «Моральную дилемму»?

— Хотя бы.

— Тогда это будет чужое сочинение. Красивое и мёртвое.

Смотрю на него. Он смотрит на меня. Три секунды. Он первый отводит взгляд — берёт карандаш и рисует на полях тетради что-то мелкое, быстрое. Заглядываю — черепаха. С рюкзаком и в очках.

— Это что?

— Это ты, Новикова. На велосипеде.

— Я не ношу очки. И при чём тут вообще это?

— Ты носишь невидимые очки. Через них мир делится на «правильно» и «неправильно», а посередине — ничего.

Беру его карандаш. Рисую рядом — криво, косо — фигуру с торчащими волосами и руками в карманах.

— А это ты. Руки в карманах, голова в облаках.

Руслан наклоняет голову. Разглядывает.

— У меня нос лучше.

— У тебя нос как нос.

— У меня нос идеальный, Новикова. Спроси любую девчонку в школе.

— Спрошу Вику Смирнову. Она эксперт по твоему носу.

Он фыркает. Я фыркаю. И вдруг мы оба смеёмся. У Руслана от смеха появляется складка у левого глаза, которую я раньше не замечала.

— Стой. У меня шоколадка есть. — Достает из рюкзака «Алёнку», разворачивает, ломает пополам. Протягивает мне большую половину. — Держи. Мозгу нужен сахар после Достоевского.

Беру. Откусываю. Он откусывает свою.

— Новикова, ты шоколад грызёшь как белка.

— А ты ешь как удав. Заглотил и даже не поморщился.

— Удав — это комплимент.

— Удавы хладнокровные.

— Зато терпеливые.

— Не замечала.

— Просто плохо смотрела.

Улыбается. Я тоже.

И вдруг становится тепло. Настроение — как бабушкина каша. Как солнце в сентябре. Как что-то простое и уютное. То, чего у меня с Максом не бывает, потому что с Максом всё правильно, а правильно — не всегда легко.

Ловлю себя на этом сравнении и мысленно ставлю запрет. Будто стоит только продолжить — и случится что-то плохое.

— Ладно, — говорю. — Давай ещё один абзац, и хватит на сегодня.

Руслан берёт ручку. Я открываю учебник. Наши локти рядом. Я пишу на полях пометку. Он пишет в тетради. Тихо. Спокойно. Нормально.

Дверь открывается.

Поднимаю голову.

Вика. Короткая юбка, куртка на одном плече, телефон в руке. Стоит в дверном проёме и смотрит — сначала на Руслана, потом на меня, потом на расстояние между нами.

Между нами тридцать сантиметров и обёртка от «Алёнки».

Тишина.

Руслан выпрямляется. Спина, плечи, лицо.

— Чего тебе?

Вика переводит взгляд на меня. Глаза — рентген.

— Привет, Вик. — Собираю тетрадь, учебник, карандаш. Движения ровные, спокойные. — Мы как раз закончили.

Встаю. Застёгиваю рюкзак. Руслан молчит. Прохожу мимо Вики — она не двигается, не уступает проход, и мне приходится повернуться боком.

Коридор пустой. Слышу свои шаги.

Лестница. Первый пролёт.

— Новикова.

Оборачиваюсь.

Вика стоит на верхней ступеньке. Руки скрещены. Лицо спокойное.

— Ты же умная. Тебе объяснять не надо.

Молчу. Жду.

— Руслан — мой. Макс — твой. Всё просто. Перепутаешь — получишь.

— Ты бредишь? Это занятия по литературе.

Вика усмехается.

— Ну да. По литературе. Только в твоих глазах я вижу совсем не литературу.

Разворачивается.

Каблуки стучат по ступенькам — вверх, обратно к кабинету. К Руслану.

Стою на лестнице. Рюкзак давит на плечо. За окном — пустой двор, ветер, тот же пакет на асфальте.

Телефон вибрирует.

Два сообщения. Одно за другим.

Макс:

«Привет, красивая. Сегодня тренер сказал, что я в основном составе на осенний турнир. Скучаю по тебе. Расскажи, как день?»

Руслан:

«Тетрадь забыла. И карандаш. И черепаху.»

Экран светится в пустом коридоре. Два имени. Рядом.

Убираю телефон в карман.

Ни одному не отвечаю.

Глава 8

Отвечаю Максу вечером.

«Ты крут! День обычный, готовлюсь к олимпиаде. Скучаю».

Пальцы печатают привычные слова. Тёплые. Правильные. Макс получит то, что ожидает, — и будет спокоен.

Руслану — не знаю, что писать. Открываю чат. Смотрю на «черепашу» в сообщении. Набираю:

«Заберу завтра».

Стираю.

«Черепашу оставь себе».

Стираю.

Убираю телефон под подушку, будто от этого станет проще.

Школьные дни проходят на автопилоте. Руслан — через три ряда, у стены. Кивок на перемене. Полувзгляд. Всё то же самое, только теперь за каждым его движением я чувствую Вику. Два ряда ближе. Глаза — контрольно-пропускной пункт.

В четверг после уроков Даша перехватывает меня на крыльце.

— Завтра у Карины тусовка. Идём.

— Нет.

— Аня.

— Нет. Олимпиада через две недели, мама не отпустит, и вообще...

— Ты никогда никуда не ходишь. А мне нужна моральная поддержка. Илья будет, а я рядом с ним забываю русский язык.

Даша делает лицо побитого спаниеля. Карие глаза, опущенные уголки губ — вот-вот заскулит.

— Где тусовка-то?

— У Карины всё организовано. Будет нормально.

— «Нормально» в твоём понимании — это когда никто не блюёт?

— Именно.

Сдаюсь. И сама удивляюсь, как быстро.

Вот только отпустит ли мама?

На тусовку — точно нет.

Пятница. Шкаф. Три футболки на кровати: одна слишком нарядная, вторая кричит «со мной только на дачу», третья — та, в которой хожу к репетитору. Надеваю третью. Подвожу глаза.

Смотрю в зеркало и репетирую: «Мам, Карина устраивает вечер, там будет Даша, всё нормально, я уже взрослая». Звучит убедительно. Даже почти храбро.

Выхожу в коридор. Мама на кухне, режет лук. Бабушка Нина рядом, протирает яблоки полотенцем.

— Мам...

Она поднимает глаза. Замечает подводку. Нож замирает.

— Куда собралась?

Вот он, момент. Скажи. Просто скажи. «Тусовка. У Карины. Даша тоже идёт». Рот открывается.

— К Даше. Алгебра. С ночёвкой можно?

Голос ровный. Спокойный. Чужой.

Мама кладёт нож.

— С ночёвкой? В пятницу?

— У нас олимпиада скоро. Хотим прорешать весь блок, это часов на пять. Проще остаться.

— А у Даши мама дома?

— Ага.

Понятия не имею, дома ли у Даши мама.

— Аня, ты неделю назад говорила, что тебе нужна тишина для подготовки. Теперь — ночёвка?

— Вдвоём продуктивнее.

Мама складывает руки. Смотрит. У неё это умение — молчать так, что начинаешь выкладывать правду раньше, чем она задаст вопрос. В животе тянет, будто проглотила что-то тяжёлое. Каждое следующее слово — ещё один слой вранья поверх предыдущего, и я чувствую, как они наслаиваются. А ведь я не собиралась врать.

Хочется сказать: «Мам, это тусовка, прости». Хочется — и страшно, потому что уже соврала.

Держу взгляд. Руки за спиной — чтобы мама не увидела, как я сжимаю пальцы.

— Телефон заряжен?

— Полностью.

Пауза.

— Если что-то пойдёт не так — звони. В любое время.

Кивает. Отпускает.

Бабушка Нина молчит. Протирает яблоко. Поднимает глаза поверх очков.

— С подводкой на алгебру?

— Бабуль.

Усмехается — краешком губ, как умеет только она — и возвращается к яблокам.

Застёгиваю куртку. Выхожу. В подъезде останавливаюсь на секунду, прижимаюсь лбом к холодной стене. Меня подташнивает — от вранья, от подводки, от себя самой. Новикова-отличница, гордость школы, только что посмотрела маме в глаза и соврала. Какой стыд.

Даша ждёт у подъезда.

Идём пешком. Пересекаем пару улиц: аптека, «Пятёрочка», школа за углом — всё привычное. Потом пустырь. Потом — вдоль забора промзоны.

— Даш. Куда мы идём?

— Почти пришли.

Гаражный кооператив на Складской. Бетонные коробки, ржавые ворота, выбитая плитка. У одного из гаражей поднята створка — внутри свет, колонка, люди. Запах дыма и пива добирается за десять метров.

Останавливаюсь.

— Это тусовка Карины?

Даша тянет за рукав.

— Ну а что? Зато просторно. И соседей нет.

Внутри больше народу, чем я ожидала. Карина в центре, с пластиковым стаканом. Маша, Лера, Настя — свита при королеве. Жека, Стас — у стены, пиво. Лица из параллели — знакомые, но без имён.

И Руслан.

У дальней стены. Одна нога на ящике, стакан в руке. Вика — рядом, бедром к его бедру, пальцы на его плече. Собственница.

Он замечает меня. Стакан останавливается на полпути ко рту. Брови — вверх. Челюсть напрягается.

Взгляд проходит по мне — сверху вниз, как сканер на входе, — и в нём читается одно: ты не должна здесь быть. Глядя на меня, делает глоток, говорит что-то Жеке.

Он здесь свой. Я — нет.

Отвожу глаза. Иду за Дашей в противоположный угол. Подальше от стены, у которой стоит Руслан.

Даша находит Илью. Через пять минут они разговаривают, наклонившись друг к другу, и мир вокруг них перестаёт существовать. Я рада за неё. Правда рада. И абсолютно, стопроцентно лишняя.

Стою с пластиковым стаканом тёплой колы. Карина подплывает — сияет, изучает.

— Новикова! Ты здесь! Думала, ты только по библиотекам.

Улыбаюсь. Говорю что-то вежливое. Карина отплывает дальше. Делаю глоток колы и думаю: уйти. Прямо сейчас. Дойти до дома пешком, смыть подводку, лечь спать. Всё это было ошибкой.

— Нови-ко-ва. — Вадим. Рубашка расстёгнута на две пуговицы, глаза блестят. Пьяный — видно по тому, как расставляет ноги шире, чтобы удержать равновесие. — Белов отпустил? Или он не знает?

— Привет, Вадим.

— Нет, серьёзно. Новикова на тусовке — это событие года. Надо отметить. — Достает пиво. — Будешь?

— Нет, спасибо.

— Да ладно тебе. Расслабься. — Наклоняется. Перегар, курево. Рука ложится мне на талию. Отшатываюсь — но между мной и стеной только бетон.

— Вадим, убери руку.

— Ты чего? — Улыбается, будто сделал комплимент. Пальцы сжимаются крепче. — Отличницы — они такие. Строгие-строгие, а потом...

— Убери руку, сказала.

Притягивает ближе. Свободной ладонью берёт меня за подбородок. Разворачивает к себе.

— Тихо, Новикова. Просто разговариваем.

Пытаюсь оттолкнуть — он тяжелее, чем кажется. Даша где-то за спинами. Музыка громче моего голоса.

— Даш!

Басы глотают крик.

Вадим усмехается — и вдруг его лицо меняется. Он смотрит мимо меня. Куда-то за моё плечо.

Пальцы на моей талии разжимаются сами.

Руслан обходит меня, встаёт между нами. Спина ко мне, лицом к Вадиму. Близко — так близко, что Вадим отшатывается. Руслан перехватывает его запястье — то самое, которое только что держало меня — и сжимает.

Вадим дёргается. Руслан не отпускает.

Я вижу его со спины: плечи развёрнуты, каждая мышца под футболкой прорисована. Костяшки на запястье Вадима — белые.

Руслан наклоняется к его уху. Что-то говорит. Ловлю обрывки: «...руки...» и «...последний раз...» Вадим бледнеет. От скул вниз, будто кровь ушла от лица за секунду.

Руслан держит ещё мгновение. Потом разжимает. Вадим пятится, потирает запястье, натывается на чьё-то плечо. Уходит.

Руслан стоит. Спина ко мне. Дышит. Я вижу, как ходят его мышцы под тканью — глубоко, рвано, будто он пробежал стометровку.

Потом поворачивается.

Глаза тёмные. И злость в них — на меня.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Я...

— Пошли.

Берёт за руку. Ведёт к выходу. Мимо Карины, мимо Стаса, мимо Жеки. Мимо Вики — она стоит у створки, стакан в руке, губы сжаты в линию.

— Рус!

Он не оборачивается.

Снаружи — ветер. Холод забирается под куртку, и я обхватываю себя руками. После гаражной духоты воздух кажется колючим.

Руслан шагает к забору. Отпускает мою руку. У забора — мопед. Он достаёт ключи.

— Садись.

— Куда?

— Домой. Тебе здесь нечего делать.

— Я не могу домой.

Оборачивается. Ключи в кулаке.

— Что значит «не могу»?

— Сказала маме, что иду к Даше делать алгебру. С ночёвкой. Если приду сейчас — в таком виде — она всё поймёт.

Руслан смотрит на меня. Проводит ладонью по лицу, будто стирает с него последние десять минут. Потом — тихо, себе под нос — что-то, в чём я разбираю только «Новикова» и «наказание».

Садится на мопед. Надевает шлем. Протягивает мне второй.

— Садись.

— Ты пил.

Бросает на меня взгляд — через плечо, из-под козырька шлема.

— Кола, Новикова. Я за рулём.

Кола. Он пил колу, пока все вокруг тянули пиво. Почему-то мне это нравится.

— Куда мы едем?

— Туда, где тебя никто не тронет.

Сажусь, неловко цепляясь за край его куртки.

Мопед резко дёргается с места, меня откидывает назад, и пальцы предательски соскальзывают. Руслан, не оборачиваясь, перехватывает мои руки. Кладёт их себе на талию и плотно накрывает своей ладонью.

Теперь я чувствую, как он дышит.

Щёки горят. Хорошо, что в лицо бьёт ветер. Хорошо, что он не видит моего лица.

Мопед набирает скорость. Фонари мелькают, затем начинают редеть. Город остаётся позади.

Я прижимаюсь щекой к его спине. Потому что так теплее. Только поэтому.

Дорога уходит куда-то за промзону.

Я понятия не имею, куда он меня везёт.

И даже не спрашиваю.

Глава 9

Мопед останавливается у одноэтажного здания с вывеской «Бильярд». Буква «д» мигает. За зашторенными окнами — жёлтый свет и чьи-то тени.

— Ты серьёзно?

Руслан снимает шлем. Забирает мой.

— Есть идея получше?

Идеи получше у меня нет. У меня вообще нет идей, кроме как стоять на парковке и жалеть обо всех решениях, принятых за последние несколько часов.

Он открывает дверь — и меня накрывает. Шум, смех, запах чего-то жареного. Два бильярдных стола под зелёным сукном. Телевизор под потолком — футбол, звук приглушён. Мужики за столиками: куртки, татуировки, пузатые кружки. Софиты на проводах, один моргает.

Руслан кивает кому-то у дальнего стола. Ему кивают в ответ. Он здесь — свой. А для меня — ещё одна территория, на которую я попала случайно.

За стойкой — женщина. Тёмные волосы, собранные кое-как. Тушь размазана под правым глазом. Худые руки, кольца на каждом пальце. Она поднимает голову — и я вижу глаза. Узнаю её сразу. Тётя Жанна. Мама Руслана.

Как же она изменилась после смерти мужа. Под стойкой — стакан, который она отодвигает чуть дальше, когда замечает меня. Будто я не должна была увидеть.

— Русик. — Голос хриплый. Взгляд скользит с него на меня. Задерживается. — Аня?

— Мам, привет.

— Аня. — Повторяет Жанна. — Новикова. Почему она с тобой?

— Так вышло.

— Так вышло. — Жанна усмехается. Усмешка — копия его, только с горечью. — Рус, ты вообще головой думаешь? Или каким местом?

— Мам.

— Ладно. — Тянется за чистым стаканом, наливает колу, ставит передо мной. — Садись. Раз уж пришла.

Сажусь у стойки. Кола тёплая. Стакан — в мелких трещинах. Тётя Жанна смотрит на меня — в упор, без злости. Как будто считывает. Потом качает головой и отворачивается к полке с бутылками.

— Если ты не понимаешь, сынок, — бросает через плечо, — не понимай. Но я вижу то, что вижу.

Руслан берёт два кия. Один протягивает мне.

— Идём. Покажу, как играть.

Хватаю кий обеими руками. Он тяжелее, чем выглядит. Руслан подводит меня к столу, расставляет шары треугольником. Объясняет коротко: белый бьёт по цветным, цветные падают в лузы.

— Бей.

Наклоняюсь. Пытаюсь вспомнить, как это делают в кино. Кий скользит, чиркает по сукну мимо белого.

— Новикова. Ну кто так играет.

— Я первый раз в жизни держу эту палку.

— Кий. Это называется «кий».

— Палка.

Фыркает. Берёт свой кий, делает удар — без усилия, шары разлетаются. Два падают в лузы сразу. Хочу сказать что-то язвительное, но вместо этого смотрю, как он наклоняется над столом — плечи, предплечья, складка между бровей — и забываю, что собиралась сказать.

— Давай ещё раз. Встань нормально.

Встаю. Наклоняюсь. Кий снова едет в сторону.

— Блин, Новикова. Иди сюда.

Подхожу. Он встаёт за моей спиной. Руки ложатся поверх моих. Поправляет хватку. Пальцы сдвигают мои — по одному, будто настраивает инструмент.

— Левую — мостом. Вот так. Кий в канавку. Правой — толкаешь. Плавно.

Дыхание у моего уха. Грудь — в сантиметре от спины. Бедро — у моего бедра. Я чувствую каждую точку, где мы почти соприкасаемся, и каждый миллиметр воздуха между нами.

— Дрожишь, Новикова.

— Холодно.

— Двадцать пять градусов. Не меньше.

— Может, у меня температура.

— Может.

Голос — тихий, у самого виска. Мне нужно сделать удар. А ещё — чтобы он отошёл. Хочу перестать чувствовать его тепло вдоль всей спины.

Бью. Белый катится, задевает красный, красный нехотя заваливается в лузу.

— Попала!

Выпрямляюсь, разворачиваюсь — и по инерции, на радости — хватаю его за плечи. Его руки оказываются у меня на талии. Секунду мы стоим так — близко, лицо к лицу. Пальцы сжимаются. Потом разжимаются.

Отступаю. Делаю вид, что изучаю стол.

— Какой следующий?

Руслан молчит. Поднимаю глаза. Он смотрит — и в этом взгляде что-то, от чего я забываю про шары, лузы и бильярд вообще.

— Синий, — говорит он наконец. — Синий у дальнего борта.

Играем. Два кона, три. Промахиваюсь, попадаю, ругаюсь шёпотом, когда шар уходит мимо. Руслан подначивает, я огрызаюсь, он усмехается. В какой-то момент забываю обо всём — про гаражи, Вадима, маму и алгебру, которой не было. Просто стою у зелёного стола с кием в руках и смеюсь, потому что Руслан Туманов только что промазал и делает вид, что так и задумано.

Тётя Жанна приносит ещё колы и бутерброды. Ставит молча. Уходит. На секунду ловлю её настороженный взгляд.

Посетители расходятся. Телевизор гаснет. Тётя Жанна гремит стаканами за стойкой. Мы сидим на подоконнике — кии прислонены к стене, пустые стаканы на полу.

— Ты другая, когда перестаёшь стараться, — говорит Руслан.

Молчу. Жду.

— В школе ты — Аня Новикова. Медаль, олимпиада, правильные ответы. Всё по линейке. А сейчас — просто ты.

Пожимаю плечами и улыбаюсь.

— Но ты эту себя прячешь, — продолжает Руслан. — Выпускаешь, только когда никто из твоих не видит.

Хочу возразить. Но он знает меня с детства. Видел ту девочку, которая лазила через заборы и дралась с мальчишками, пока мама не решила, что дочери пора стать примерной.

— Я не могу быть такой всё время. Мама, школа, город — все ждут правильную Новикову. Если покажу эту — всё рассыплется.

— А так — рассыплешься ты.

Молчу. За окном — пустая парковка, фонарь, мопед. Часы над стойкой показывают три ночи.

— Русик, — зовёт тётя Жанна из-за стойки. — Закрываюсь. Вы тут до утра?

Руслан смотрит на меня.

— Я не знаю, — говорю я.

— До утра, мам.

Тётя Жанна снимает фартук. Накидывает куртку. У двери оборачивается.

— Ключ на гвозде. Закроешь. — Пауза. — И Рус. Без глупостей.

— Ну мам.

Дверь за ней закрывается. Мы одни. Зелёное сукно, пустые стаканы, гул холодильника за стойкой.

Руслан проверяет телефон. Убирает.

— Спать хочешь?

— Нет.

— Врёшь.

— Вру. Но засыпать не хочу.

Он смотрит долго, будто решает что-то для себя. Снимает куртку. Кладёт мне на колени.

— Накройся. Отопление тут до полуночи.

Накидываю на плечи. От куртки пахнет им. Руслан садится рядом, откидывается затылком к стене. Закрывает глаза.

— Новикова.

— М?

— На такие тусовки без меня — больше ни ногой. Ясно?

— Ты мне указываешь, что делать?

— Да. Не хочу каждую пятницу ломать Вадиму запястье.

Молчу. Улыбаюсь в ворот его куртки, пока он не видит.

За окном меняется темнота — из чёрной в серую. Я сползаю ниже по стене. Голова клонится. Плечо Руслана — рядом. Тёплое. Надёжное.

Засыпаю.

Последнее, что слышу, — тихое:

— Спи, Новикова.

Просыпаюсь от света. Серое утро в окне, шея затекла, щека — на чём-то тёплом.

Плечо Руслана. Сам он сидит так же — затылком к стене, глаза закрыты. Или нет — чуть приоткрыты.

— С добрым утром, Новикова.

Отодвигаюсь.

Он усмехается, но молчит.

Обратная дорога — без слов. Утренний город пустой: закрытые магазины, голуби, лужи.

Руслан останавливает мопед за углом от моего дома.

— Дальше сама. Ты же у подруги ночевала.

Киваю. Снимаю шлем, отдаю. Пальцы соприкасаются на пластике — на секунду.

— Спасибо.

— Не за что. И Новикова...

— Что?

Пауза. Он смотрит на меня, будто хочет что-то сказать. Потом качает головой.

— Ничего. Иди.

Иду. Поднимаюсь по ступенькам. Достаю ключи. Открываю дверь.

Мама стоит у вешалки — глаза красные, пальто поверх халата, телефон в руке, лицо белое.

— Мам?

— Бабушку машина сбила. Она в поликлинику шла.
Ключи падают на пол.

Глава 10

— Мам?

Мамины губы шевелятся.

— Скорая забрала. Час назад. Я звоню тебе, звоню...

Телефон. Лезу в карман — экран мёртвый. Сел. Я даже не заметила когда.

Мама натягивает пальто поверх халата — руки не попадают в рукава. Я подхожу, помогаю. Руки трясутся.

— Какая больница?

— Вторая городская. Реанимация.

Реанимация. Какое ужасное слово.

В такси мама набирает номера. Тёте Оле — своей сестре. Кому-то ещё. Фразы короткие, сбивчивые. Я знаю этот голос. Слышала его, когда с папой случилась беда.

Смотрю в окно. Утренний город — тот же, по которому я ехала полчаса назад. Те же закрытые магазины. Голуби. Асфальт после дождя.

Тогда я прижималась щекой к спине Руслана Туманова, и ветер бил в лицо, и мне было хорошо.

А бабушка в это время шла в поликлинику.

Желудок выворачивается. Опускаю окно. Водитель смотрит в зеркало. Мама ничего не замечает.

Вторая городская. Приёмный покой. Запах хлорки и капусты из столовой. Линолеум блестит под люминесцентными лампами. Мы бежим по коридору — мама впереди, я за ней, мимо каталок, мимо закрытых дверей с табличками.

Реанимация — третий этаж. Двойные двери. Красная полоса на полу: за неё нельзя.

Медсестра объясняет. Автомобиль, пешеходный переход. Перелом бедра. Черепно-мозговая — закрытая. Операция прошла, сейчас наблюдение.

— Прогнозы?

— Пока рано.

— Когда можно к ней?

— Пока нельзя. Ждите.

«Ждите» — единственное, что здесь говорят. Ждите результатов. Ждите врача. Ждите.

Мама садится на стул, достаёт из сумки папку — полис, паспорт, ещё какие-то бумаги. Руки перебирают страницы. Находят нужную. Не находят.

— Мне нужно в регистратуру. Посиди здесь.

Киваю.

Мама уходит. Каблуки по линолеуму. Спина прямая. Она держится как может. Пока.

Сажусь на стул. Пластик скрипит. У стены — автомат с водой. Пластиковые стаканы — стопка, один чуть выдвинут. Набираю воду. Тёплая. Стакан мнётся в пальцах.

Тишина. Гул ламп. Где-то там за двойными дверями — бабушка.

Бабушка Нина, которая вчера вечером посмотрела на мою подводку и спросила: «С подводкой на алгебру?» А я обманула.

Бабушка, которая называла Руслана «Русланчиком» и подливала ему чай.

Бабушка, которая видела меня настоящей и ни разу не попросила стать другой.

Если бы утром я была дома. Если бы я не соврала про алгебру. Если бы бабушка разбудила меня, поставила чайник, нарезала хлеб для тостов — как она делает каждый день — она бы вышла на пять минут позже. На пять минут. И машина бы проехала мимо.

Стакан трещит в кулаке.

Разжимаю пальцы.

Достаю телефон. Подключаю зарядку.

Пропущенные от мамы.

Открываю чат с Максом.

«Макс, бабушку сбила машина. Она в реанимации. Позвони мне, пожалуйста».

Отправлено. Одна галочка. Две. Прочитано — нет. На сборах телефоны сдают тренеру до обеда. Или до вечера. Я забыла расписание.

Жду.

Минута. Три. Пять.

Экран гаснет.

Включаю. Никаких новых сообщений. Макс — в другом городе, на площадке, или в столовой, или в комнате с ребятами, и телефон лежит в тумбочке на беззвучном, и он не знает, что здесь происходит. Это не его вина. Я повторяю это дважды. Три раза. Не помогает.

По коридору проходит женщина с забинтованной рукой. Где-то скрипит каталка. Лампа над головой подрагивает. Хлорка. Хлорка везде.

Набираю Макса. Длинные гудки. Пять. Шесть. «Абонент не отвечает. Оставьте сообщение после сигнала».

Сбрасываю.

Набираю снова. То же самое.

Телефон в руках. Экран. Контакты. Список — буквы расплываются, потому что глаза мокрые, и я провожу рукавом по лицу, и тушь — вчерашняя, которую я так и не смыла — пачкает кожу. Наверное, выгляжу как тётя Жанна за стойкой. Размазанная тушь, мятая одежда, пустой стакан.

Палец скользит по экрану.

Останавливается.

«Руслан Туманов».

Не успеваю подумать. Нажимаю.

Один гудок. Два.

— Новикова? — Голос сонный. Хриплый. — Ты чего?

Открываю рот. Собираюсь сказать: «Бабушку сбила машина». Простая фраза.

Вместо слов — звук. Всхлип. Задавленный, рваный.

— Аня.

Он так давно не называет меня по имени.

— Аня. Где ты?

— Больница, — выдавливаю. — Вторая городская. Бабушка в реанимации...

— Еду.

Короткие гудки.

Прижимаю погасший телефон к груди, ловя в чёрном экране своё отражение: синяки под глазами, потёкшая тушь. От этого вида слёзы выступают с новой силой.

Я так и сижу в монотонном гуле ламп, теряя счёт времени. Мамы всё нет. Мимо равнодушно проходит врач в бахилах, сбитой на подбородок маске, даже не взглянув в мою сторону.

Внезапно тишину коридора разрезают чёткие шаги. Поднимаю голову.

В конце коридора — Руслан.

Без куртки, в одной футболке, с опущенными вдоль тела руками. Волосы мокрые — видимо, на улице льёт дождь. Он идёт прямо на меня, не замечая ни каталок, ни дверей, ни красной разметки на полу.

Останавливается передо мной. Я замираю, глядя на него снизу вверх. Он смотрит на меня сверху вниз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.